

улицы, кричу: «Включайте радио — война». Мама отвечает: «Что ты болтаешь!» Включили — услышали. Тогда отец снял праздничный костюм, надел повседневный, мама тоже переоделась, и так пошли в школу. Выпускного уже не было. А на фронт добровольцем отец ушел в июле, и с ним вместе его десятиклассники. Очень многие не вернулись. И папа тоже. Учительницы, девчонки почти, тоже ушли на фронт, одну мы просто обожали — Августу Иванов — ну. Я же в школу пошла в 42-м — самый тяжелый год был, но с нами были учителя, мы всем им обязаны, они были рядом с нами сутками, до ночи.

Я помню первый день проводов на фронт. Я написала об этом рассказ, «Гармонь» называется. Помню, как шумела площадь, много людей, гармошки играли, а когда прокричали: «По машинам!», тишина наступила, и гармошки затихли, уходящие стали их отдавать — кто на телегу поставит, кто жене передает: «Продай, если будет трудно». И машины тронулись, а одна женщина стоит, как изваяние, и около нее лесенка ребят — пять человек и шестого на руках держит. Муж ее зовет: «Аня, Аня», а она смотрит мимо и будто не слышит. Машина тронулась, она передает ребенка первому стоящему рядом и за машиной: муж ее сидел крайний у борта. Он плачет, она бежит, схватилась за борт, там висел лозунг: «Победа будет за нами!», и Аня оборвала его — эту красную тряпку, упала.. Машины остановились. Муж Анны выскочил, снова ее уговаривает, а потом машины быстро двинулись. Аня осталась в пыли лежать, а лозунг еще долго маячил красной тряпкой, пока колонна не скрылась в тайге.

Среди провожающих была Таисия Николаевна — молоденькая учительница, она только замуж вышла. Стоит в белой кофточке, в юбке в складку, в руках узелок. Рядом муж Костя, «косая сажень в плечах». Стоит и повторяет: «Тася, я обязательно вернусь, обязательно...». А она плакать боится — кругом ученики, молчит. Он, Костя, плачет, она — нет. И двинулись машины, и учительница громко — громко прокричала: «Костя!», и тайга дважды это повторила...

Много запомнилось с войны, первые похороны. Наша почтальон сначала обойдет все село с письмами, потом возвращается в дома, куда похороны пришли. Рассказывала: одна сразу зайдет в плач, другая — каменная сядет, третья сидит на глазах, матери за ночь сидели. Война — это страшно.

Пирог с лебедой

— Об учителях хочу сказать отдельно, — у нас же край особый был, под Свердловском — на границе с Сибирью — ссыльных у нас много было. Я училась с дочкой заместителя командующего Академией имени Фрунзе, его расстреляли в тридцать седьмом, а жена с дочкой сначала в лагерь попали, потом к нам. Там было очень тяжело всем... А нашим учителям запрещено было брать таких детей в пионерские лагеря и на площадки. Тогда они вот что делали — меняли детям фамилии и все-таки брали с другими учениками. Ведь это был великий риск в то время. И еще я помню, как наша первая учительница, Евдокия Степановна, на Новый, сорок третий год, принесла нам, ученикам своим, пирог из лебеды и черной муки — он рассыпался на сковородке, а она резала на 22 кусочка. И мы подходили с раскрытыми ладошками и брали эти кусочки... А потом мы написали стихи ей:

*Новый год, когда была война,
Ты на праздник хлеб нам испекла.
Был он с лебедой, с черною мукой,
Со слезами и твоей мечтой!
Ты захотела накормить весь класс,
Мы от хлеба не отводим глаз,
22 ладошки тянутся к нему
Нам же достанется всем по одному,
По кусочку маленькому черному
С лебедой, с черною мукой,
Со слезами и твоей мечтой.
Давным-давно была война —
Для встречи в Новый год
Ты каравай нам испекла,
Деленный в 22 куса.
А тот военный черный хлеб вы не забыли? — Нет
С лебедой, с черною мукой,
Главное — с твоею добротой...*

Когда мы встречались с классом и учительницей после войны, мы просили нашу учительницу: «Испеките нам такой хлеб!», и она отвечала: «Уже не получится». Детьми мы очень много работали: вязали варежки и носки — отправляли на фронт, собирали удобрение, ходили по стерне босиком — собирали колоски, а босые, потому что обувь